

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Настоящий друг остаётся другом и в беде. Уже многие годы живут под взрывами американских бомб вьетнамские дети. Когда мы открывали наш клуб интернациональной дружбы, мы думали о том, что дети всего мира одинаковы. И в далёких странах им нужен мир, хорошие, светлые школы, весёлые, интересные книги. И улыбки. Плечо друга помогает жить. В день открытия клуба каждый класс передал его президенту обычный деревянный ящик с тетрадками, письменными принадлежностями, медикаментами и игрушками. В каждой посылке лежало письмо: «Мы, школьники Латвии, ищем товарищей и протягиваем вам руку дружбы. Мы поддерживаем вас в героической борьбе против империализма. Мы вместе с вами!».

Наши посылки не были велики, и едва ли наших тетрадей хватит всем вьетнамским школьникам. Но зато наши небольшие подарки были сделаны от всего сердца. Они покажут вьетнамским ребятам, что их борьба — наша борьба. Мы, дети, тоже отвечаем за мир.

г. Юрмала, средняя школа № 1.

Андрис ДЗЕНИС.

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОДИНЯЙТЕСЬ!

К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
БУДЬ ГОТОВ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ
И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 47-й
№ 44 [5523]

Вторник, 1 июня 1971 г.

Цена 1 коп.

ВЕЧНЫЙ

САЛЮТ

Берест погиб... Врачи так и не смогли разжать большой рабочий кулак Алексея Прокофьевича. В нём он навсегда зажал красную детскую варежку...

Через несколько дней он должен был идти во главе праздничной демонстрации рабочих и нести Красное знамя. Рабочие доверяли ему не раз свои знамя. Они уважали этого смелого, честного и гордого человека. Он был коммунистом!..

Есть человеческие судьбы, которые трудно с чем-то сравнить. Они обычные и в то же время неповторимы. В них воплотилось наше время...

...Бурлит раскалённая сталь. Слешит тысячами оранжевых звёзд в огромных ковшах. Алексей Прокофьевич прикрывает ладонью глаза. Сейчас польётся! И тогда поторапливайся. Сталь застынет в формах и превратится в будущие детали современных комбайнов.

Льётся сталь!..
За десять лет работы на заводе Берест видел тысячи плавков. И может быть, глядя на это чудо, вспоминался ему далёкий довоенный год, тракторшника, выхлещный в чистом поле, и вспоминался он сам, комсомолец Алёшка. От зари до заката водил он свой трактор и радовался, как послушна ему машина.

Комсомол. Он позвал его, как и тысячи других парней, сестра на тракторы. Стране нужны были его крепкие руки. Алексей Берест стал трактористом. А было ему тогда всего шестнадцать. И вместе с паспортом он получил свою первую полочку. Деньги отослал домой: пригодятся, семья немалая — семнадцать сестёр. Он, Алексей, в семье единственный мужчина!..

Навсегда он сохранил любовь к земле. Радовался буйному цветению по весне. Выращивал диковинные цветы, что распускались в комнате под Новый год. Под окном старой городской квартиры он посадил четыре дерева. Прижились. За ними ухаживают теперь соседи. В память о хорошем человеке.

Больше всего на свете Берест любил людей. Не щадя себя, спешил он им на помощь.

Однажды зимой, возвращаясь ночью с работы, он увидел потерявшую сознание пожилую женщину. Поблизости ни телефона, ни жилья. Он пришёл на руках эту женщину в свой дом, вызвал врача, не спал до рассвета, сядя у её постели.

Вот уже несколько лет живёт в доме Береста Анна Моисеевна. Она нашла Береста по статье в газете. Написала письмо: так, мол, и так, брат у меня на войне потерялся, может быть, это вы? Приехал Алексей Прокофьевич к этой прожившей трудную жизнь женщине.

Поговорили. Нет, не родственники. Однофамильцы просто. Но ведь не оставишь одинокого человека. Старым людям забота нужна.

Щедрость души. Она рождается от огромной любви к жизни. Она рождается в верной дружбе, в смелости, в подвиге.

Берест прошёл суровыми дорогами войны с первого и до последнего её дня. Он был солдатом, потом комиссаром. В партию вступил между жаркими боями.

Он вставал первым в атаку во весь свой почти двухметровый рост: «Коммунисты, за мной! Коммунисты, вперёд!» Он был на войне словно билинный богатырь.

Берест — первый советский человек, который в мае сорок пятого вёл первые переговоры с немецким командованием о капитуляции.

Это было в рейхстаге. Уже два дня, как рьяно над логовом фашизма Знамя Победы, а здесь ещё шли жестокие бои за каждую комнату, за каждый метр. Полторы тысячи матерых фашистов засели в подвалах. В бункере прятался Гитлер... Под вечер фашисты выкинули белый флаг. Офицер заявил, что они готовы начать переговоры. Они требуют, чтобы переговоры вёл советский офицер не ниже чина в полковника.

Но вот беда — не было в это время ни одного нашего полковника в рейхстаге. Как быть? Помогла солдатская смекалка.

Солдат поил ему из фляги, и Алексей Прокофьевич смыл копоть с лица. Поверх гимнастёрки Берест надел чью-то чужую кожаную куртку. Достали фуражку с малиновым околышем. Вместе с Берестом в логово фашистов пошёл на переговоры и командир батальона Неустров.

Внизу немецкий полковник, оберст, уже ждал их. Сразу окружил немецкие солдаты. Гневно блестели глаза. Парабеллумы наизготове.

— Полковник Берест! — отрекомендовался смело комиссар. — Я предлагаю вам сдаться. Мы вас живём отсюда не выпустим!

— Ещё неизвестно, кто у кого в плену, — зло улыбнулся оберст.

Берест стоял широкоплечий, подтянутый, уверенный в себе. Кто-то из фашистов сказал: «Такой молодой, а уже полковник». «Полковник» еле сдерживал себя. Он был молод, ему было тогда два-

дцать лет. И он боялся забыть, что сейчас он дипломат.

— Я не затем пришёл в Берлин, чтобы вы мне улыбались, оберст!

...К утру фашисты, оставшиеся в подземельях рейхстага, сдались...

В твоём учебнике по истории есть такие строчки: «...короткие сообщения дорисовывали путь Знамени Победы. На втором этаже группу Береста обстреляли. Короткая схватка. Враги прижаты к стене. Появляется новая группа фашистов. Лейтенант Берест первым заметил их. Длинная автоматная очередь. Схватка. И снова — наверх. Знаменосцы — Михаил Егоров и Мелитон Кантария... Крыша рейхстага. Через несколько минут широкое багряное полотнище затрещало над ночным, дымящимся Берлином».

Алексей Прокофьевич Берест. Он первым дал в честь нашей победы салют...

В побеждённом Берлине была весна. Вокруг рейхстага, увешанного тысячами красных флажков, плясали солдаты. К ним подходили немецкие мальчишки, и они отдавали им свой хлеб. Русский хлеб.

Берест сидел на танке, играл на гармонии незатейливую мелодию, пел сложные тут же кем-то из солдат весёлые частушки. Таким его увидел военный фотокорреспондент. Потом этот снимок как символ русского солдата обошёл газеты многих стран мира.

У Береста дома нет военных снимков: на войне было не до фотографирования. Но я видел другой, совсем мирный: на снимке бригада. Берест и его друзья, чумазые, в брезентовых, тёмных от пота куртках, улыбаются. Только что выполнен план!

Берест любил рассказывать ребятам о войне. Он часто бывал в школах.

Берест никогда не рассказывал о себе. Он с любовью говорил о своих друзьях, об их подвигах, раздавал их адреса: пусть берут пример с героев...

Берест погиб не на войне. Он совершил свой последний подвиг в мирные дни. Он пожертвовал собой ради другой, юной жизни. Вечный ему салют!

И. АФАНАСЬЕВ.
(Наш специальный корреспондент).

г. Ростов-на-Дону.

СЫРОИ снег плавился, падая на блестящие рельсы. Было зябко от влажного ветра с Дона. Люди, пряча лица в поднятые воротники, спешили после смены на станцию «Сельмаш».

Очень высокий плечистый человек в распахнутом пальто стоял на развилке путей и о чём-то оживлённо разговаривал с приятелем. Прохожие то и дело здоровались с ним: «Добрый вечер, Берест!», «Вяку твой, Алексей? Весь в тебя парень!..»

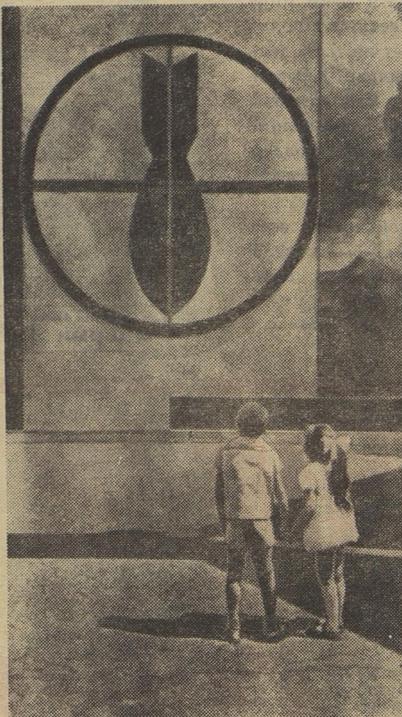
И вдруг Алексей Прокофьевич метнулся в сторону. На железнодорожном пути метрах в двадцати от себя он увидел девушку. Прямо на неё шёл поезд! Как раскалённые, блестели рельсы в мощных лучах фар... Он схватил девушку за руку и сильно отбросил в сторону. Заскрежетали тормоза. Но было уже поздно...

МЫ ОТВЕЧАЕМ ЗА МИР!

О войне сказано много... Но сегодня, в День защиты детей, мы снова говорим о войне. Потому что средств, истраченных во всём мире на производство оружия только за прошлый год, хватило бы для безбедного существования одного миллиарда восьмисот миллионов человек — половины населения земли. Потому что рвы, заполненные телами вьетнамских детей, ещё свежи, лица арабских школьников, опалённые напалмом, ещё не зажили и слёзы матерей, обезумевших от горя, не просохли.

Война — самое ужасное преступление против детства. Вот почему в закончившейся недавно в Будапеште Ассамблее Всемирного Совета Мира приняли участие представители 124 стран.

Могут ли ребята участвовать в борьбе за мир уже сейчас? Миллионы пионеров Советского Союза давно ответили на этот вопрос. Они переводят свои первые заработанные деньги в Фонд мира, участвуют в митингах солидарности с вьетнамскими патриотами, пристально следят за судьбой Анджелы Дэвис.

„МОСКВА. СОВЕТСКОМУ ФОНДУ МИРА..“

...Передо мной коротенькое письмо, написанное аккуратным девчоночьим почерком на страничке из школьной тетради. Галя Бычкова (она училась тогда в 6-м классе Васильевской школы, что в Рузском районе Московской области) написала первый в жизни рассказ. Он был опубликован в районной газете. Девочка была очень горда и счастлива: она оказалась победительницей конкурса на детский рассказ. Но случилось так, что как раз в это время Галя прочитала в «Пионерской правде» статью о зверствах американской военщины во Вьетнаме, о бедах, которые выпали на долю больших и маленьких граждан этой мужественной страны. И тогда она написала: «Москва, Кропоткинская, 10, Советскому фонду мира. Посылаю для детей Вьетнама свою премию за рассказ». Ответственный секретарь правления Фонда Л. Г. Никонов в ответном письме тепло поблагодарил девочку за её благородный поступок, выслал ей Устав Советского фонда мира.

За многие сотни километров от района, где живёт Галя, в городе Запорожье, ученики 5-го класса «А» школы-интерната № 9 собрали 11 рублей и, отправив их в Москву, написали: «Мы не хотим, чтобы были сироты на земле... Пусть всегда будет чистое небо». Другие ребята переводят Фонду (его счёт есть в каждой конторе Государственного банка) деньги, вырученные от продажи металлолома, заработанные на субботнике, на летних работах в колхозе. Поместить невозможно перечислить всех

отправителей этих малых и больших взносов.

Как же используются средства Фонда? Во-первых, они идут на организацию различных форумов и встреч борцов за мир. Агрессорам становится явно не по себе, когда тысячи представителей разных стран, собравшиеся вместе, выносят свой приговор войне, требуют прекращения грабежей и насилий в государствах, борющихся за свою свободу. Во-вторых, средства Фонда используются для оказания материальной помощи народам этих государств.

Вспомню весну 1968 года во Владивостоке. Казалось, всё население города пришло тогда провожать уходящий к берегам Вьетнама теплоход «Раздольное». Стоимость груза на его борту оценивалась в миллион рублей. Ещё раньше по тому же курсу отправился теплоход «Солнечногорск». И на его борту весь груз также был оплачен активистами Фонда мира. Нужно ли говорить, какие новые силы для борьбы с врагом обрели в этой бескорыстной помощи советских братьев наши вьетнамские друзья!

«Никто» не заставляет наших людей отдавать свои деньги в этот Фонд, — писал однажды поэт Роберт Рождественский. — Только совесть. Только память и долг перед павшими. Только вера в будущее и патриотизм».

Эти слова можно отнести ко всем вкладчикам Фонда мира. Молодым и старым. Прошедшим сквозь огонь минувшей войны и только вступающим в жизнь.

Владимир ШМЫГАНОВСКИЙ.

ЦЕННЫЙ ПОДАРОК

Пятиклассница Ха при свете керосиновой лампы пишет письмо отцу на фронт. «Недавно школу опять бомбили. Одна бомба попала в наш класс. Халь, Ми и Лиен были убиты. Многих ранило. Все тетради, портфели, учебники сгорели. Купить их нигде. Магазины тоже разрушены. Директор обещал нам, что скоро построят школу в джунглях и мы продолжим учёбу. А когда кто-то спросил: «На чём мы будем писать? Нет ни тетрадей, ни бумаги», он велел собрать все старые книги и газеты и писать между строчек. Школу уже построили. Завтра открытие. Папа, пришли мне несколько листочков бумаги, у нас скоро будут экзамены».

В дверь постучали. Это пришли подруги.
— Пойдём с нами.
— Куда?
— Во дворе новой школы стоит грузовик. Самы

видели. Весь забит тетрадками и книжками.
Ха высочила на улицу. Ей казалось, что там, во дворе новой школы, стоит отец и что это он, услышав её просьбу, прислал машину с тетрадками и учебниками.

На следующий день в новой школе был митинг. Под густыми деревьями возле бомбоубежища стоял директор и говорил:
— Мы собрались сегодня немного раньше, чтобы получить ценные подарки из Советского Союза. Хоть и далеко от нас живут советские пионеры, но они не забыли нас. Они работали в колхозах, на стройках. На заработанные деньги ребята и купили нам эти подарки.

Ха слушала директора, а в голове уже вертелась фраза, которую она первой запишет в новой тетрадке. Ну конечно, это будут слова: «Дружба нашей крепнуть вовек».

— Ха, ты что, не хочешь получать подарки? — спросил директор.

Ха покраснела. Она замечталась и не сразу расслышала, что её зовут.

— Вот тебе полный комплект: и портфель, и тетради, и карандаши, — бумага!..

Ха с отличием окончила школу и получила звание: «отличная племянница дяди Хо». По решению министерства просвещения республики она поедет учиться в Советский Союз.

Узнав об этом, Ха быстро собрала чемодан, а сверху аккуратно положила портфель, полученный когда-то в подарок от советских пионеров. В нём была тетрадь с адресом советской подруги Нины. Рядом с тетрадкой Ха положила в портфель маленькое колечко, сделанное из фюзеляжа сбитого американского самолёта. Ха тоже стреляла из винтовки по врагу. И это колечко будет её подарком советской подруге.

ХО ЛИН.
(Специально для «Пионерской правды»).

г. Ханой.

В ТИСКАХ ГОЛОДА

Карета скорой помощи подкатила к ветхому строению в Луисвилле (штат Кентукки). Помощь была излившей. На старчески сморщенном, обтянутом тонкой плёнкой кожи лице девятоголетнего Дрю застыл отпечаток перенесённых страданий голодной смерти. Его пятерых крайних истошённых от постоянного недоедания сестёр удалось спасти.

Голодающие дети, как писали американские газеты, были где угодно, только не в самой богатой капиталистической стране. Теперь этот факт, ставший горькой правдой сегодняшней Америки, признают. Признаёт и печать, и правительственные органы.

Миллион американских школьников каждое утро отправляются в школу голодными. Голодными возвращаются домой. Правительство США приняло ряд законов, разрешающих кормить голодающих школьников по крайней мере завтраками. Некоторые из этих законов были приняты ещё в 1946 году. А в мае 1969 года нынешний президент США Никсон подписал законодательство, обещающее бесплатные школьные завтраки каждому нуждающемуся ребёнку.

Прошло время. Из девяти миллионов американских школьников, которые постоянно находятся в тисках голода, только четыре миллиона получают бесплатные завтраки или по сниженной цене. Как видно, приняты законов и их претворение в жизнь — вещи разные в американской действительности.

А. АЛЕКСАНДРОВ.

ПОД ГРОХОТ БАРАБАНОВ

Они идут строем под грохот барабанов. Идут ровно, держа шаг, с развёрнутым знаменем. И так изо дня в день. Правительством Израиля мечтает сделать из них «образцовых солдат». Вымуштрованных, готовых по первому приказу умереть за «великий Израиль».

А пока они должны твёрдо усвоить, что они лучше других, раса господ, которая со всех сторон окружена «кровавыми врагами». Поэтому с самого поступления в школу мальчики и девочки в государстве Израиль учатся обращаться с оружием. Вся их жизнь подчинена режиму военного времени, всё обучение сводится к умению стрелять, убивать, сжигать.

Сегодня они ещё идут строем под грохот барабанов. Завтра им вручат настоящее оружие, и на каждом автомате и карабине будет стоять клеймо «сделано в США».

Каждый год монополии США выкачивают из стран Ближнего Востока примерно

два с половиной миллиарда долларов прибыли. Национально-освободительное движение поставило под удар эти миллиарды. А там, где речь идёт о потере прибыли, Соединённые Штаты не останавливаются ни перед чем.

Вот почему будущим израильским солдатам, пока школьникам, вручают оружие с маркой «сделано в США», вот почему на самолётах американского производства израильские агрессоры разбомбили арабскую школу, когда там шли уроки. Погибло несколько десятков сверстников этих будущих «образцовых солдат», но им уже твёрдо внушили, что всё это делается ради них, ради страны.

Сионисты Америки и Израиля выступают под одним знаменем. Они не оставили попыток создания «великого Израйля» от Средиземного моря до Тигра и Евфрата. Продолжается незаконная оккупация арабских земель. И напряжённая обстановка на Ближнем Востоке сохраняется по-прежнему.

В. ГРИБАЧЕВ.

О ЧЁМ ПОЮТ ЦЫМБАЛЫ И ДУТАР

Гуляра, Хулкар, Айбек, Мирза... Где там пересчитать всех узбекских ребят, отдохнувших в пионерском лагере под Минском!

Сначала их имена путали. Мирзу, например, называли Хулкаром, хотя Мирза — мальчишеское имя, а Хулкар — девочка. Она сказала, что её имя по-русски означает «вечерняя звезда».

Мирза шутил: если, говорил он, быстро повторять моё имя несколько раз, то узнаете, за что я буду бороться, как подрасту. И белорусские ребята с удовольствием повторяли: «Мир-за-Мир-за-Мир-за-Мир!»

Айбек привёз с собой любопытный музыкальный инструмент — с двумя струнами и длинным грифом.

— Это дутар, — объяснил он отрядному цимбалисту Кастусю.

Вечером, перед отбоем, Айбек поставил дутар к себе на колени и, не говоря ни слова, тронул струны... Незнакомые, не слыханные ещё здешними ребятами звуки полились в вечернее небо. Глаза Хулкара вдруг стали печальными. Да и Гуляра и Мирза взгрустнули. Вспомнили, наверное, свой Ташкент. Город их разрушило землетрясение. Родители ташкентских ребят остались строить новое жильё...

Очень скоро, однако, ташкентцы почувствовали: край их не так-то уж далёк. Приехавшая в лагерь воспитательница Александра Антонова сказала им при встрече: «Салам алейкум!» Она говорила по-узбекски. Знала же же песни, что и Айбек. Могла приготовить плов с поджаренными кусочками мяса и янтарным уроком не хуже отца Мирзы, известного чайханщика.

Плов готовили в походе: Александре Антоновой захотелось сводить ребят-узбеков в деревню, где она родилась и учителствует.

Привал был у родниковой речушки. Там к путешественникам подошёл незнакомый старик белорус и поклонился им:

— Салам алейкум!
Приложил руку к груди, как это делают лишь узбекские деды. Глянув на Айбека, на его распухшую губетейку, которой мальчуган зачерпнул воду из реки, незнакомец произнёс:
— Яшаси су!
— Яшаси су! — просиял Айбек.

Старый белорус сказал:

— Да здравствует вода!
Слова такие больше подходят, конечно, узбеку: тот славит каждую пригоршню воды, потому как она в его стороне — сама жизнь.

Белорусский крестьянин, она зывается, хорошо знал про это. Сидя с ребятами у реки, он вспоминал, как тридцать с лишним лет назад довелось ему вместе с узбеками строить Большой Ферганский канал в

той пустыне, что зовётся ныне «долиной белого золота». Возможно, дескать, юным узбекам и невдогад, что проектировал знаменитый канал Лебедев Иосиф Дмитриевич из белорусской деревни Большой Осов. Инженера Лебедева почитают в Узбекистане все хлопкоробы.

Александра Антонова сказала: возможно, ей удастся сводить ребят на родину Лебедева. А пока что — в Новосёлки.

— Хочу, дедушка, чтобы мой отец про Лукаша ребятам рассказал...

В Новосёлках ташкентцы узнали: Лукаш — их земляк из кишлака Митань. Возглавил в войну отряд белорусских партизан. Они-то и называли командира Лукашем. А по документам он Лукман Ураков. Отец Александры Антоновны вместе с Ураковым в одной землянке жил, одним кожухом укрывались.

В темный яблоневый сад вынесли стол.

Тёмный гречишный мёд, хрустящие пшеничные лепёшки, окурки, жаренные в сухарях, — всё было вкусно. Айбек захотел потешить доброго хозяина игрой на дутаре. Играл и пел. Нет дальних далей для родных, брата и сестры, говорилась в песне, если они всегда заботятся, помят друг о друге. Братом Айбек называл Узбекистан, сестрой — Беларусь.

В это лето Айбек с Кастусём сложили ещё песню про своего пионервожатого Дениса Пташника. Не дождавись конца смены, Денис уехал с товарищами студентами в Ташкент восстанавливать город. В письмах он сообщал лагерным ребятам, узбекским и белорусским: «Трудился на месте бывшего селения Мирджуман-ата. Построили уже школу! Скажите ташкентским ребятам: их город станет ещё лучше...»

Не все приехавшие пионеры хорошо знают русский. Переводчицей у них была Александра Антонова. Так где же всё-таки она, дочь белорусского крестьянина, училась говорить по-узбекски?

В Каттакургане научилась, в семье Хамида Саматова. То была замечательная семья: тринадцать мальчиков и девочек, говоривших на разных языках. Все они, как и маленькая Алёся — Александра Антонова, потеряли в войну родителей. Ребятишек привезли в Узбекистан. И пока на Украине, в Прибалтике, России, Белоруссии громыхало, Алёся с побратимирами жила у ласкового Хамида-ака. Дом его, обнесённый дувалом (глиняным забором), и тот дворик, над которым раски-

нул зелёные свои крылья виноградник, и поныне ещё сияют Александре Антоновне. И если бы не отыскались после войны её отец с матерью, она, видать, так и осталась бы у Хамида-ака. В дочках. Хранит его фотографию: тубетейка на голове обмотана разноцветным платком, тёмно-зелёный халат с чёрными полосками перетянут шелковым поясом. Но впервые Хамид Саматов встретил «дочку Алёсю», одетый в солдатскую гимнастёрку. На голове у него была тогда выгоревшая добела пилотка. И ещё красные полоски были нашиты на груди — свидетельство о тяжёлых ранениях. Воевал рядовой Саматов в Белоруссии. После ранений — госпиталь и родной кишлак. Вскоре и фронтовики, и партизаны прочитали в газете про чудесную семью Хамида.

Может, Айбек с Кастусём сложили бы и про это песню, да пришло время расставаться им: поехали ташкентские ребята домой. Вот уже пять лет, как уехали.

От многих к сельской учительнице Александре Антоновне приходят весточки. Айбек Акимбеков уже работает. Окончил недавно школу механизаторов. И теперь бороздит отвоёванные у пустыни плодородные земли. Рад, что на тракторе его написано близкое ему слово «Беларусь». Механизатор Акимбеков, кстати, сообщает: не меньше трети всех автомобилей, тракторов на хлопковых просторах — из «родной Белоруссии».

На конвертах, что приходят от Хулкара — «вечерней звезды», обратный адрес такой: Чирчик. Завод «Химмаш». Хулкар снова собирается в Белоруссию — в командировку. Дело в том, что машины, сделанные на её заводе, установлены на новых химических предприятиях белорусских городов. Хулкар, опытная наладчица, должна посмотреть на работу узбекских машин. Но что любопытно: когда только ещё строили в городе Чирчике «Химмаш», оборудование для него привозили в основном из Белорусской республики.

Земля узбекская. Земля белорусская. Небо Узбекистана. Небо Беларуси. Кто видел, кто сравнивал их, тот скажет: «Разные, непохожие они». А люди? Их облик, обычай, язык... Разве спутаешь, например, голос цимбала с мелодией дутара? А ведь поют они об одном: о том, как велика семья народов нашей страны, как светла, безоблачна их дружба, рождённая в боях и труде.

В. МОРОЗОВ.
(Наш корреспондент).

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНК...

Вот и прозвенел последний в этом учебном году школьный звонок. Взгрустнули даже самые весёлые парни из десятого «Б» — Саша Осадчий, Володя Полотнянников, Серёжа Голощёков. Для них он прозвенел последний раз.

Закончился учебный год. Для ребят пятого «А» он был счастливым: все до одного перешли в шестой класс. Их отряд назван правофланговым.

По доброй школьной традиции вместе с пионерами и октябрятами десятиклассники сажали цветы, поливали сад, приводили в порядок школьный двор, соседнюю улицу.

Фото Я. ШАХНОВСКОГО.

Москва, школа № 700.

ДВА КАПИТАНА

ДЕЛО было так. Коля Шевченко — капитан «Урагана» — пришёл с заявкой, чтобы, как и раньше, включили его команду в турнир на приз клуба «Кожаный мяч». А ему говорят: — Надо команде новое название придумать. У нас уже один «Ураган» есть...

— Как так есть? — удивился Коля. — Мы же не первый год играем. Никаких «Ураганов» в Аягузе не было. Только наш!

— Не было, а теперь есть. И показывают Коле заявку. А в конце заявки подпись: «Иван Шевченко, капитан команды «Ураган». Дело в том, что Иван Шевченко — родной брат Коли. Они вместе играли в «Урагане». Потом Иван стал играть

в футбол с мальчишками. Как идёт из школы, соберёт ребят и тренирует их. Мало того что из «Урагана» ушёл, так ещё и футбольную амундацию у игроков выпросил: всё равно, говорит, майки и кеды вам малы, а моим мальшам — в самый раз... Коля тогда ничего не сказал. Ладно. Пусть так. И без Ивана команда обойдётся, если ему интереснее с мальчишками в футбол играть. Но что Иван своей команде самовольно название «Ураган» присвоил — это уже против всяких правил. Что теперь с этим Иваном делать?

— Подожди не киняться, — сказал Семён Савельевич, директор стадиона. — Младший-то брат ведь правильно сделал. Сам

посуди: твой «Ураган» последний сезон играет. Выросли вы уже. А где смена? Нет у вас смены. А брат твой подумал об этом.

— А зачем имя наше без спроса присвоил?

— Это нехорошо, — согласился Семён Савельевич. — Тут надо по-другому сделать. А как? Давай подумаем...

...Два «Урагана» выбежали на зелёное поле: «Ураган-1» во главе с капитаном Николаем Шевченко, «Ураган-2» вывел на поле Шевченко Иван. Матч больше походил на тренировку: «Ураган-2» только-только начал разбираться в футбольной азбуке. Но играл старательно, и хотя проиграл «Урагану-1», было ясно: родилась новая футбольная команда.

После финального свистка, когда братья-капитаны обменялись рукопожатиями, Коля попросил у судьи старенький мяч, которым не один год играл «Ураган», и сказал:

— Тут мы подумали и решили подарить вам наш мяч. На память о нашей команде, о старом «Урагане», которому теперь мы дали новое название — «Уран».

Конечно, такого от Коли мальши не ожидали. Может, шутит Николай?

— Носите гордо имя нашей команды «Ураган», — сказал Коля. — Да, а теперь вот ещё что: тренировка в четверг. В четырёхнадцать ноль-ноль. Приходите. Будем тренироваться вместе...

Тут уж стало ясно — никаких шуток. Да и не очень-то любит шутить Шевченко-старший. Особенно когда разговор идёт о тренировке.

А. АРЦИШВСКИЙ.

Кяхжская ССР, г. Аягуз.

«Интернационал» рождён Парижской Коммуной. Ещё громыхали залпы версальских вешателей и лилась кровь французских патриотов, когда поэт-революционер, активный участник Коммуны Эжен Потье писал свои бессмертные строки, звучавшие как набат грядущих революций:

...С Интернационалом
Воспрянет род людской...

Не успев родиться, стихи Потье встали в строй борцов. Их преследовали. Их боялись. Но переписанный от руки, передававшийся из уст в уста «Интернационал» продолжал сражаться. А когда в 1888 году слова «Интернационала» были положены на музыку лильским резчиком по дереву, музыкантом-самоучкой Пьером Дегейтером, боевая пролетарская песня распространилась по всей Франции, перешагнула её границы.

На русском языке гимн революции был впервые напечатан в 1902 году. И сразу стал любимой песней революционеров. «Интернационал» очень любил В. И. Ленин, который чрезвычайно высоко ценил революционную целеустремлённость пролетарского гимна, часто использовал строки из него в своих работах и выступлениях.

После победы Великого Октября «Интернационал» стал

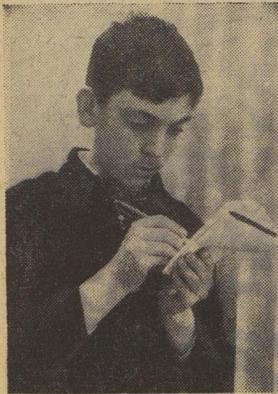
нашим государственным гимном, а с 1944 года — партийным гимном.

В годы первых пятилеток «Интернационалом» начинались и завершались стройки. В период Отечественной войны он воодушевлял советский народ на борьбу с фашистскими захватчиками. Со словами «Интернационала» пашесть стояли герои Брестской крепости, его пели перед казнью краснодонские молодоговардейцы. «Интернационал» на устах трудящихся, строящих социализм, и той «великой армии труда», которая ещё борется в странах капитала за социальный прогресс и национальную независимость. Исполнением этого гимна закончилась работа XXIV съезда КПСС.

На родине «Интернационала», во Франции, пролетарский гимн занимает особое место, ибо в нём заключена целая политическая программа, которую ещё предстоит осуществить французскому рабочему классу. Пением «Интернационала» сопровождается демонстрация трудящихся, собрания рабочих, конгрессы французской молодёжи. Он гремел 23 мая над многотысячными колоннами французских трудящихся, принявших участие в шествии к Стене Коммунарков в ознаменование 100-летия Парижской Коммуны.

Бессмертную песню поют на всех континентах.

Ю. ПОЛЯКОВ.

НА ПЯТОЙ Всесоюзной химической олимпиаде, которая проходила в Минске, самым юным участником оказался пионер Лёня Павтов. Живёт он в городе Ростове Ярославской области, окончил 5-й класс школы № 3, а работу на олимпиаде выполнял вместе с девяти-

ВСЕГО НУЖНЕЕ — КНИГА

классниками. В Минск он приехал вместе с мамой, учительницей географии Людмилой Васильевной. Поэтому на мои вопросы отвечали то мама, то сын.

— Лёня, в школе химию ты ещё не проходил?

ЛЕНЯ: — Я уже её изучаю. Учитель химии Виталий Васильевич разрешил мне посещать его уроки в девятом классе.

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА: — Виталий Васильевич знает Лёню ещё дошкольником. Тогда Ляля, моя старшая дочь, училась в четвёртом. Лёня перечитал её учебники, и больше всего ему понравилось «Природоведение». Он пришёл в школу и попросил позвать того учителя, который показывает опыты. Позвали Виталия Васильевича. Учитель был, конечно, удивлён, когда Лёня попросил у него... соляную кислоту. Для собственного опыта. Потом Виталий Васильевич спрашивал меня, не было ли в нашем роду химиков или биологов.

Нет, — сказала я, — и у меня, и у Лёниного отца в роду все хлеборобы или ткачи. Сама я увлечена географией. Ленин отец — радиотехником, он телевизионный мастер...

— Телевидение, надо полагать, у вас в почёте? Часто смотришь телевизор, Лёня?

ЛЕНЯ: — Не очень, времени не хватает. Я звенёвой, звено наше называется «Юный друг природы». Мы проводили с ребятами в отряде разные викторины — по ботанике, истории, биологии... Нравится играть в драмкружке. Недавно мы с отрядом ставили пьесу «Звонок на перемену», я сыграл в ней лентяя и болтуна. Люблю рисовать. Оформлял многие стенгазеты, стенды. В общем, смотрит телевизор некогда. Но когда в прошлом году шла телевизионная химическая олимпиада для старших школьников, я не отходил от него.

— Ты тогда учился в четвёртом?

ЛЕНЯ: — Да, в четвёртом. Мне прислали диплом победителя и объявили об этом по телевидению.

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА: — В том, что Лёня увлечён химией и многое знает в двенадцать лет, мне думается, нет ничего удивительного. По-моему, каждый может многого достичь даже в самые юные годы, если постоянно интересуется какой-либо наукой.

— А что ты делаешь в химическом кабинете, Лёня?

ЛЕНЯ: — В нашем школьном кабинете есть старинные «склянки». Чтобы узнать и определить, что в них находится, надо сделать химический анализ. Мне этой работы и на лето хватит. А ещё летом обязательно отправимся с ребятами искать минералы.

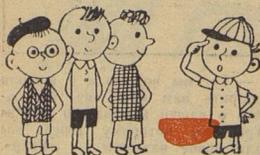
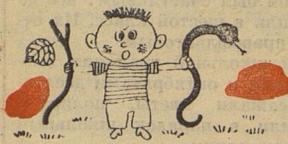
— Что помогает тебе много знать?

ЛЕНЯ: — Книги. Особенно люблю книги о замечательных людях. Учусь у них всему хорошему. Без книг жить, наверно, нельзя.

Интервью вел В. СЛАВИН.
г. Минск.

НА СНИМКЕ: Лёня ПАВТОВ.
Фото Д. ЧЕХОВИЧА.

УЛЫБКИ ДРУЗЕЙ

● Учитель: — Яня, придумай предложение, в котором бы говорилось о редком лесе.

Яня: — Мы подошли к такому редкому лесу, в котором уже не осталось ни одного дерева.

Польша.

● — Иду по лесу и вдруг вижу: змея!

— И что было?

— Подхожу поближе и вижу, что это палка. Ох, я и испугался!

— Так чего же ты испугался?

— Потому что другая палка, которую я схватил на всякий случай, оказалась змеей...

Чехословакия.

● Курт, Франц, Карл и Вальтер опоздали на урок.

— Почему ты опоздал? — спрашивает учитель Курта.

— У меня заболела мама, и мне нужно было сходить в аптеку.

— А ты? — спрашивает учитель Франца.

— У нас отстали часы.

— У тебя тоже уважительная причина? — спрашивает учитель Карла.

— У меня болела голова.

Вальтер пожимает плечами:

— Не знаю, почему я опоздал... Они уже всё сказали.

г.Др.

СМЕШИНКИ

● Учитель предупредил ученика, не знавшего закон Ньютона, о том, что спросит его завтра. Выйдя из школы, учитель удивился: ученик сидел под яблоней.

— Что ты здесь делаешь?

— Жду, когда на меня упадёт яблоко...

Прислал Юра БРЮХАНОВ.
г. Кострома.

● УЧИТЕЛЬ: — Не знаю, что тебе ставить за четверть... У тебя две двойки и две тройки.

УЧЕНИК: — А вы выведете среднюю оценку. Сложите эти двойки и тройки, сумму разделите на два...

Прислал Вадим ЗАДОРЖНЫЙ.
г. Киев.

● — Послушай, ты уже тридцать минут стоишь у доски и не можешь объяснить физический закон!

— Не горюйте меня, пожалуйста. Даже сам Фарадей потратил на этот закон несколько лет.

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

БЕЛИЧИЙ ОСТРОВ

СЮДА НИКТО НЕ ЕЗДИТ,
СЮДА ПЕШКОМ ИДУТ,
ТАКЖЕ УЖ ХОЗЯИКИ
НА ОСТРОВЕ ЖИВУТ.

И ВЗРОСЛЫЕ, И ДЕТИ
СПЕШАТ ИХ НАВЕСИТЬ.
НИКТО НЕ ЗАБЫВАЕТ
ХОЗЯЕК УГОСТИТЬ.

ИГРАЮТ С ЧЕЛОВЕКОМ,
БЕРУТ ЕДУ ИЗ РУК
И ГОВОРЯТ ДРУГ ДРУЖКЕ:
«НЕ БОЙСЯ! ЭТО ДРУГ!»

